

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПОРТУГАЛЬСКОГО ФАШИЗМА

Ю. М. Кукушкин

К проблемам, связанным с политическими и особенно идеологическими основами португальского фашизма, советская историческая наука обращалась не часто. В разное время издавались немногочисленные книги и брошюры, авторы которых стремились проанализировать характер этого режима. Первыми такими работами были брошюры акад. Е. С. Варги «Португалия и фашистская интервенция в Испании» и Е. А. Аксанова «Португалия и ее роль в фашистской интервенции в Испании», появившиеся в 1937 году. Однако значительное место в них отводилось экономическому и историческому описанию периода, предшествовавшего установлению фашистской диктатуры, и лишь в общих чертах давалась характеристика ее политики и идеологии. Объяснить это можно тем, что правительство Салазара с первых дней своего существования постаралось отгородиться от остального мира «завесой молчания», и из страны просачивалась крайне скудная информация о происходящих там событиях. В 60-х годах интерес к Португалии в нашей исторической науке возрос. Вышла в свет книга А. М. Белявского «Американский империализм на Пиренейском полуострове» (М. 1961), посвященная скорее экономическим проблемам, но содержащая интересный анализ событий послевоенного периода в Португалии. В 1965 г. была опубликована книга Г. Н. Коломийца «Очерки новейшей истории Португалии». В связи с развитием национально-освободительного движения в Африке появился ряд работ о португальских колониях на этом континенте. Особый интерес представляют труды Г. Л. Бондаревского, Ю. С. Оганисяна, А. М. Хазанова, В. Л. Шейниса¹, в которых рассматривается политика португальских колонизаторов в Африке. Значительным вкладом в исследование португальского фашизма являются переведенные на русский язык книги Генерального секретаря Португальской коммунистической партии А. Куньяла «Путь к победе» и «Очерки по аграрному вопросу», Ж. Д. Козлю «Сопrotивление в Португалии», Ж. де Сильвы «Португальские колонии в Африке», работы руководящих деятелей Португальской компартии, опубликованные в советских журналах и газетах.

Данная статья представляет собой попытку рассмотреть основные положения идеологии и политики португальского фашизма, методы его приспособления к меняющимся условиям.

¹ См., например, Г. Л. Бондаревский. Португальские колонизаторы — враги народов Африки. М. 1962; Ю. С. Оганисян. Особенности португальского колониализма. «Мировая экономика и международные отношения», 1964, № 5; В. Л. Шейнис. Португальский империализм в Африке после второй мировой войны. Экономические проблемы последней колониальной империи. М. 1969; А. М. Хазанов. Освободительная борьба народов Восточной Африки после второй мировой войны. М. 1962.

Программа Коммунистического Интернационала, которая была принята на его VI конгрессе в 1928 г., указала на условия возникновения фашизма и на преследуемые им цели. Такими условиями являются: неустойчивость капиталистических отношений, наличие значительной прослойки деклассированных социальных элементов, обнищание широких слоев городской мелкой буржуазии, наконец, постоянная угроза массовых выступлений пролетариата. Обострение классовой борьбы толкает буржуазию к методу непосредственной диктатуры, идеологически прикрываемой «общенациональной идеей», представительством профессий (а по существу, разнообразных групп господствующих классов). При этом фашизм играет на недовольстве мелкой буржуазии и интеллигенции, стремится проникнуть и в рабочую среду, распространяя свое влияние на наиболее отсталые слои рабочих, используя их недовольство, пассивность социал-демократии и т. д.² Это определение объясняет условия и причины возникновения фашизма в странах с невысоким уровнем развития капитализма, к которым относилась и Португалия. Позднее, исследуя фашизм в его различных формах, П. Тольятти уточнил, что «сам исторический опыт, однако, уже подтвердил нам, сколь разнообразные приемы применяют наиболее реакционные руководящие группы для достижения своей цели. В определенный момент в период между двумя мировыми войнами в большинстве или почти большинстве европейских стран существовал фашизм. Однако методы, которые применяли эти режимы для захвата и сохранения за собой власти в разных странах, достаточно резко отличались друг от друга»³.

Причины установления фашистской диктатуры в Португалии были обусловлены экономической и политической обстановкой, сложившейся в этой стране в первые десятилетия XX века. Революция 1910 г., окончившаяся с монархическим режимом в Португалии и установившая республиканский строй, не была, по определению В. И. Ленина, народной, ибо массы не выступали в ней активно со своими собственными экономическими и политическими требованиями⁴. Несмотря на то, что пришедшая к власти буржуазия приняла прогрессивную для того времени конституцию и провозгласила основные демократические свободы, она не решила главных экономических и политических проблем, не освободила страну от иностранного засилья, не улучшила положение народных масс. В экономическом отношении Португалия и в период буржуазной республики оставалась одной из самых отсталых стран Европы. Имелась слабо развитая горнодобывающая, перерабатывающая и легкая промышленность. Португальский пролетариат, общая численность которого при населении в 6 млн. чел. достигала 180 тыс. (по переписи 1907 г.)⁵, был распылен в основном по мелким предприятиям. Обманутые в своих надеждах трудящиеся, в первую очередь промышленные рабочие, развернули широкое забастовочное движение против буржуазно-помещичьего строя. Правительство, в свою очередь, прибегло к жестоким репрессиям. Всего за 16 лет существования буржуазной республики было проведено 158 всеобщих забастовок рабочих⁶.

Обстановка еще более обострилась во время и после первой мировой войны. Португалия вначале объявила нейтралитет, а затем выступила на стороне Антанты и послала свой экспедиционный корпус во Францию. Этот шаг способствовал обострению голода и разрухи в стране и росту боевой активности народных масс. На дальнейшее развитие рабочего движения в Португалии оказала влияние Великая Октябрь-

² «Программа и Устав Коммунистического Интернационала». М. 1935, стр. 28—29.

³ П. Тольятти. Избранные статьи и речи. Т. 1. М. 1965, стр. 176.

⁴ См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 33, стр. 39.

⁵ Энциклопедический словарь «Гранат». Изд. 7-е. Т. 33, стр. 73—74.

⁶ Г. Н. Коломиец. Очерки новейшей истории Португалии. М. 1965, стр. 16.

ская социалистическая революция. «Большевистская революция, — отмечал один из лидеров португальского пролетариата и первый Генеральный секретарь Португальской коммунистической партии, Б. Гонсалвес, — вызвала горячие симпатии среди португальских трудящихся и наиболее радикальных представителей мелкой буржуазии⁷. Однако для того, чтобы это движение принесло ощутимые результаты, оно нуждалось в политическом руководстве. Португальские трудящиеся в тот период еще не имели подлинно марксистской партии, способной выполнить эту роль.

Пытаясь задержать подъем революционного движения португальского пролетариата, реакционные круги буржуазии совершили в декабре 1917 г. военный путч, во главе его стоял Сидониу Паис. Политика, которую он начал проводить, явилась как бы репетицией будущей фашистской диктатуры. Правительство Паиса приступило к ликвидации буржуазно-демократического парламентаризма, чтобы сконцентрировать всю полноту власти в своих руках, установило цензуру печати. Опираясь на армию, Паис усилил репрессивный аппарат. За один год его правления в тюрьмы Португалии и ее колоний было брошено около 20 тыс. человек. 14 декабря 1918 г. Паис был убит анархистами. Хотя он верно служил интересам буржуазии, ему не удалось заручиться поддержкой всей ее верхушки. Средняя и мелкая буржуазия занимала колеблющуюся позицию, что значительно сужало социальную базу «сидонизма».

Положение в стране продолжало ухудшаться. В начале 20-х годов нищета и лишения трудящихся стали невыносимыми. Обострялись противоречия между различными слоями буржуазии, проявлявшиеся во внутрипарламентской борьбе и в следовавших один за другим путчах, которые организовывала радикальная партия — партия крупного капитала, выступавшая против требований не только трудящихся, но и мелкой буржуазии. Крупная буржуазия, контролировавшая банки, железные дороги, мукомольную промышленность, игорные дома и имевшая большие доходы от табачной монополии, понимала, чем ей грозит дальнейший подъем рабочего движения, однако она отдавала себе отчет и в том, что время для установления диктаторского режима в Португалии еще не наступило. Поэтому она пока использовала другую буржуазную партию — демократическую, располагавшую большинством в парламенте, чтобы обрушиться на трудящихся. При поддержке крупной буржуазии в парламенте одобрялись любые «чрезвычайные» репрессивные меры, направленные против рабочего движения. Превентивные аресты стали массовым явлением, особенно свирепствовали так называемые трибуналы «охраны общественного порядка». Значительно вырос репрессивный аппарат. Полиция нередко убивала задержанных рабочих «при попытке к бегству». Предприниматели в широких масштабах прибегали к локаутам⁸.

В этой сложной, чреватой революционным взрывом обстановке трудящиеся массы нуждались в постоянном и энергичном руководстве. Анархистские лидеры Всеобщей конфедерации труда, объединившей в 1922 г. 130 тыс. чел., были не способны указать рабочим истинный путь борьбы и уповали на тактику индивидуального террора. Не могла возглавить движение трудящихся и социалистическая партия, давно скатившаяся на реформистские позиции. Основанная в 1921 г. Португальская коммунистическая партия практически оставалась небольшой группой, руководство которой в то время было еще слабо подготовлено теоретически. Хотя компартия с самого начала решительно отмежевывалась от анархистских методов борьбы, предложить пролетариату что-либо взамен в тот период она была не в состоянии.

⁷ Bento Gonçalves. Palavras necessárias. Coleção do povo para o povo, p. 20.

⁸ Ibid., pp. 30—31.

Между тем португальская реакция накапливала опыт и присматривалась к тому, что делалось за рубежом: в 1922 г. в Италии пришел к власти Муссолини, а в 1923 г. в Испании попытался установить военно-монархическую диктатуру Primo de Rivera. Начиная с 1924 г. на страницы португальской левой печати стала просачиваться первая информация об итальянском фашизме. Однако трудящиеся массы, располагавшие скудными данными о нем, не могли осознать всей глубины опасности этой новой и крайне жестокой формы империалистической реакции, прикрывавшейся к тому же изощренной социальной демагогией. Было известно, что фашистский режим отличался необычайной агрессивностью, но почему он возник и каковы будут пути его развития, никто из рабочих, естественно, не знал⁹.

Из-за внутренних противоречий, постоянно нараставшего стачечного движения, ударов со стороны монархистов, предпринимавших многочисленные попытки переворотов, буржуазно-республиканский строй в Португалии отличался чрезвычайной нестабильностью. За весь период его существования — с 1910 по 1926 г. — в стране сменились 8 президентов и 44 правительства, произошло 24 восстания. Это тревожило крупных капиталистов, банкиров и латифундистов, мечтавших о «твердой руке», которая обеспечила бы им надежное будущее, а также отражалось на настроениях городской мелкой буржуазии и служащих, раздраженных бесплодной анархистской тактикой террора и мечтавших о «спокойствии и порядке». Страна переживала глубокий политический и экономический кризис, обострившийся в связи с финансовым кризисом, вызванным мошеннической операцией «Ангола-метрополь банка», в результате которой страна была наводнена огромным количеством фальшивых банкнот¹⁰. Этим не преминула воспользоваться реакционная печать, изо дня в день твердившая о том, что республиканское правительство не способно управлять страной и привело Португалию к катастрофе. Она открыто заявляла в конце 1925 и начале 1926 г., что единственное спасение — в установлении военной диктатуры. Громче всех ратовала за нее крупная земельная аристократия. Если бы революция 1910 г. подорвала могущество латифундистов, то, как отмечал Б. Гонсалвес, фашизм не пришел бы так легко к власти¹¹. Хотя накануне фашистского переворота Португальская компартия предупреждала трудящихся о надвигающейся угрозе, тем не менее сама она оказалась неподготовленной к организации отпора военщине. Ей не удалось поднять на борьбу против фашизма массы, которые в значительной мере находились под влиянием мелкобуржуазного радикализма анархистов, отказавшихся образовать единый фронт с коммунистами.

28 мая 1926 г. генерал Г. да Коста призвал гарнизон г. Браги подняться на борьбу против «отжившей свой век парламентской системы». Он направился в столицу и, не встречая никакого сопротивления, сверг правительство. Анархистские лидеры провозгласили «нейтралитет пролетариата» по отношению к перевороту. 25 марта 1928 г. военная клика «избрала» генерала Кармону президентом Португалии и ликвидировала тем самым парламентскую систему в стране. Чтобы стабилизировать экономику страны, Кармона пригласил профессора Коимбрского университета А. де Оливейра Салазара занять пост министра финансов. Салазар в качестве первейшего условия потребовал предоставить ему право полного контроля над всей финансовой деятельностью государства, но получил отказ. Между тем финансовый хаос в стране продолжал нарастать. Лига Наций отказалась дать ей заем. Португалии грозило финансовое банкротство. Монархические элементы не оставляли попыток совершить переворот. 27 апреля 1928 г. Кармона был вынужден

⁹ Ibid., pp. 43, 46.

¹⁰ Г. Н. Коломиец. Указ. соч., стр. 18—19.

¹¹ Bento Gonçalves. Op. cit., p. 57.

принять условия Салазара и назначил его министром финансов. Утверждая, что политика всех прежних правительств привела страну к экономической и финансовой катастрофе, к социальной неустойчивости, Салазар во всех своих выступлениях после военного переворота 1926 г. упорно проводил мысль о том, что единственным средством, которое позволит спасти страну от грозящего ей краха и вернуть ей былое национальное величие как колониальной державе, является установление диктаторской формы правления. В те годы он еще лицемерно добавлял, что данная мера будет носить лишь временный характер¹².

Как и в Италии, фашистская диктатура в Португалии, начавшая обретать конкретные формы после военного переворота 1926 г., не имела собственной доктрины. Этот факт вызывал определенную озабоченность Салазара с момента его включения в состав правительства. Поэтому каждое выступление он старался использовать для того, чтобы изложить свое кредо относительно тех или иных социальных и экономических проблем. Так постепенно сложилась концепция «нового государства», как пышно окрестила португальская реакция диктатуру, установленную в стране.

Беззастенчиво спекулируя на стремлении народных масс к революционным преобразованиям, португальские фашисты именуют военный переворот 1926 г. «революцией» и постоянно используют этот термин во всех своих писаниях и выступлениях. М. Казтану, один из теоретиков португальского фашизма и нынешний премьер-министр, утверждал, будто «национальная революция» подчинена основной идее, гласящей, что нация предполагает моральную, политическую и экономическую общность и цель «революции» не беззаконие, а замена старого строя новым. «Идеи Салазара,— возвещал Казтану с кафедры Римского университета,—...придали форму этой революции и вдохнули в нее жизнь. Его основные убеждения сводятся к тому, что мир должен быть управляем согласно определенной доктрине, а миссия правительства заключается в воспитании народов»¹³. Эта «воспитательная» миссия салазаризма, как показали затем события, выразилась в суровых полицейских репрессиях против всех прогрессивных элементов, в первую очередь против реорганизованной в 1929 г. Португальской компартии, в жесточайшей цензуре, запрещавшей публикацию любых материалов о положении в стране, тщательно процеживавшей иностранную информацию и душившей прогрессивную мысль в махровом обскурантизме.

Доктрина португальского фашизма в конце концов вылилась в своеобразный конгломерат социального учения католицизма,— в частности, здесь заметно влияние французского философа-неотомиста Ж. Маритэна и его «органической концепции» — и ряда идей, позаимствованных из арсенала итальянского фашизма и пересаженных на португальскую почву с учетом ее особенностей. «Наша диктатура,— утверждал Салазар в 1930 г. в интервью для печати,— схожа с диктатурой Муссолини в том, что она укрепляет власть, объявила войну некоторым демократическим принципам, носит националистический характер и заботится об общественном благе. Но она отличается своими новаторскими методами. Насилие, как постоянное и прямое средство, противоречит португальским обычаям. Следует действовать не торопясь и великодушно, ограничивая власть и стараясь не скатываться к языческому цезаризму государства, не признающего ни юридических, ни моральных границ и оппортунистически лавирующего то вправо, то влево. Дело не в том, что фашистский режим лишен нравственности. Я имею в виду, что некоторые постулаты и действия в сфере морали навязаны фашизму Муссолини, а не Муссолини фашизмом... Что же касается рамок, в которых пытаемся действо-

¹² A. S a l a z a r. El pensamiento de la Revolución Nacional. Buenos Aires. 1938, p. 84.

¹³ См. Diego S. A n d r é s. El Portugal de Oliveira Salazar. Madrid. 1957, pp. 108—109.

вать мы, то они определены основными принципами нового государства, рамками нашей деятельности, деятельности правителей. Наши законы менее жестоки, наши обычаи менее строги, а государство менее абсолютистское, и мы не объявляем его всемогущим»¹⁴.

Действительно, если ознакомиться с португальской конституцией и сравнить ее с итальянским и германским фашистским законодательством, проанализировать методы укрепления диктатуры, практиковавшиеся правительством Салазара, и учесть, что президент и Национальная ассамблея «избирались» путем «всеобщего» голосования, то режим Салазара может показаться чуть ли не «либеральным». Однако в его распоряжении были десятки всевозможных декретов, дополнявших конституцию и дававших ему «законное» основание действовать, когда это было необходимо, с иезуитской жестокостью, не убивая физически, за некоторым исключением, своих политических противников, а медленно подводя их к печальному концу в казематах старинных крепостей. Что же касается абсолютистского характера салазаровского государства, то его вынуждены признавать даже самые рьяные апологеты капитализма.

Во главу угла своей социальной доктрины португальский фашизм поставил идею «общности» интересов всей португальской нации. Этот прием не отличался новизной. Буржуазия постоянно прибегала к нему на различных этапах своей истории. Национализм является непременной принадлежностью любой фашистской или неофашистской концепции. В такой экономически отсталой стране, как Португалия, где мелкая буржуазия в силу своего социального положения особо восприимчива к подобного рода идеям и составляет большинство населения, имелась благодатная почва для пропаганды националистических теорий, сущность которых, по ленинскому определению, выражалась в иллюзии, будто народ есть нечто единое и что народная воля может быть выражена вне классовой борьбы¹⁵. Фашистская доктрина гласила, что новое реорганизованное государство должно опираться на прочный, благоразумный, миротворный национализм, который обеспечил бы сосуществование и нормальную деятельность всех естественных, традиционных и прогрессивных элементов общества. При этом понятие португальской нации она распространяла и на население колониальных владений. Согласно ее постулатам, вся государственная политика должна опираться именно на этот краеугольный камень: ничего — вопреки нации, все — ради нации. При подобной интерпретации национальной действительности, утверждал Салазар, отпадает необходимость в организации мятежей, существовании различных политических партий и групп¹⁶.

Одновременно португальские фашисты и в этой области старались подчеркнуть свою исключительность. Без сомнения, утверждали они, в этом мире можно найти политические системы, схожие с португальским национализмом, имеющие общие точки соприкосновения, хотя и ограничивающиеся иногда лишь идеей корпоративизма. Однако что касается его осуществления, особенно концепции государства и созидания политической и общественной базы правительства, то отличия здесь особенно заметны. Португалия управляется на основе своеобразной системы, соответствующей ее истории и ее географии, столь отличных от истории и географии других стран¹⁷.

Ядром нации португальская фашистская диктатура нарекла семью — первичную ячейку церковного прихода и муниципалитета, которая, по мнению Салазара, была обречена предшествующим буржуазно-республиканским строем на исчезновение. Согласно фашистской доктрине, при эффективных гарантиях, обеспечивающих формирование

¹⁴ Ibid., pp. 178—179.

¹⁵ См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 37, стр. 214.

¹⁶ A. S a l a z a r. Op. cit., pp. 59, 61.

¹⁷ Ibid., pp. 263—264.

семья, ее сохранение и развитие, семья, представленная своим главой, должна осуществлять право избрания административных органов, по крайней мере в рамках своего прихода, когда речь идет о непосредственных интересах каждого семейного очага. Фашизм в этом случае преследовал цель не только разобщить различные отряды трудящихся, но и сузить их кругозор, заставить их жить лишь интересами собственного дома.

Рассматривая наличие политических партий как главную опасность, угрожающую подорвать еще не окрепшую диктатуру, Салазар утверждал, что прямое участие граждан в выборах законодательных органов без какого-либо посредничества партий является естественным¹⁸. Хотя в фашистской Португалии много говорилось о выборах, голосовать там до 1969 г. могли лишь мужчины, достигшие 21 года и умеющие читать и писать. Неграмотные допускались к голосованию только в том случае, если они платили прямые налоги. Из женщин в выборах принимали участие только те, кто имел законченное среднее или высшее образование и платил прямой налог не менее 100 эскудо.

Верховным арбитром в стране, по идее Салазара, становится государство. Оно должно возвышаться над сферой производства, охраняя себя от влияния монополий и не вмешиваясь в их конкурентную борьбу¹⁹. Однако вся политика его правительства была целиком подчинена интересам крупного капитала и латифундистов. Недаром английская печать отмечала впоследствии, что национальное богатство Португалии сосредоточено в руках 11 семей. Такие люди, как П. Басто, Тенрейро, Чаполимонд, Лекастре, Майор, и другие занимают видное место в банковском и коммерческом мире Португалии и ее африканских территорий. Их интересы прочно связаны с корпоративным государством²⁰. Крупный капитал постоянно имел своих «эmissаров» в правительстве Салазара. Многие министры и чиновники высокого ранга одновременно остаются членами административных советов крупнейших компаний²¹.

Государство, созданное в Португалии после военно-фашистского переворота 28 мая 1926 г., объявило себя «национальным и авторитарным». Главной задачей его, согласно салазаровской доктрине, должно быть «исправление недостатков», которые иногда возникают из-за свободной игры частной инициативы. Салазар недвусмысленно давал понять, что он сосредоточит внимание прежде всего на укреплении репрессивных органов государства. Оно не может быть сильным, провозгласил он, если исполнительная власть не является таковой, и именно слабость последней представляет собой особенность, общую для всех политических режимов, в которых господствует «индивидуалистский или социалистический либерализм», дух партийности, избытка власти и беспорядка, свойственный парламентаризму.

Свое отношение к колониальному вопросу Салазар с самого начала высказывал с достаточной определенностью. Он заявил, что Португалия своей историей обрела право занимать, завоевывать, открывать, колонизировать²². Это положение затем было закреплено в конституции, объявившей колониальные владения составной частью государства на правах провинций и даже говорившей об их административной децентрализации и финансовой автономии. Однако ряд оговорок сводит на нет эти демагогически провозглашенные «права».

Салазаровские идеи проводились в жизнь постепенно. Португальская военщина, стремясь как можно дольше держать в заблуждении на-

¹⁸ Ibid., p. 109.

¹⁹ Ibid., p. 200.

²⁰ «The Scotsman» (Edinburgh), 2.IX.1964.

²¹ См. А. М. Белявский. Монополистический капитал в Португалии. «Мировая экономика и международные отношения», 1965, № 3, стр. 73.

²² A. S a l a z a r. Op. cit., pp. 99, 143—144, 199—203.

родные массы, пассивно реагировавшие на переворот, не спешила с фашизацией страны. Она исподволь формировала правящую группировку, преодолевая имевшиеся внутренние противоречия и всеми силами укрепляя репрессивный аппарат, создала многочисленную и разветвленную полицию, которая позволяла ей своевременно подавлять всяческие попытки оппозиционных выступлений, осуществлять террор против политических организаций рабочего класса, ввела жесточайшую цензуру печати с целью не только изолировать Португалию от внешнего мира, но и создать за границей видимость нормализации положения в стране. Эти и ряд других мер постепенно осуществлялись вплоть до 1933 г., когда была принята ныне действующая фашистская конституция. Хотя члены республиканской, социалистической и особенно коммунистической партий преследовались за свою политическую деятельность, закона об их запрещении долгое время издан не было. Такой закон появился только в конце 1933 года.

30 июля 1930 г. в Португалии была основана фашистская лига «Национальный союз», представляющая интересы помещиков, крупной буржуазии, связанной с иностранным капиталом, реакционных католических и военных кругов. Аргументируя этот акт, Салазар утверждал, что фашистская диктатура нуждается в своеобразной организации, которая якобы ни в коем случае не должна представлять собой новую партию и в которой могли бы сотрудничать все португальцы, чтобы выработать новую политику, новую администрацию и создать новую экономику. Салазар откровенно заявил, что устав «Национального союза» своим происхождением обязан акту правительства, с властью которого он связан. Цель «Национального союза» — «вырвать власть у сторонников других партий... сделать захват власти недоступным для дерзкого меньшинства»²³. В основе структуры «Национального союза» лежал территориальный принцип: его комитеты имелись в округах, муниципалитетах и приходах. Всего их было 392. Из возглавляли 2016 руководителей различных рангов²⁴. С 1932 г. «Национальный союз» фактически стал единственной легальной политической организацией.

В 1936 г. была создана другая фашистская организация — «Португальская молодежь». Она должна была объединять в обязательном порядке всю молодежь школьного возраста, чтобы воспитывать ее в духе дисциплины, порядка и культуры милитаризма. Организация делилась по возрасту на различные отряды: «Лузитос» — самые младшие, «Инфантес», «Вангардистас» и самые старшие — «Кадетес». Такую же структуру имела женская молодежная организация «Португальские девушки». Целью этих организаций объявлялось воспитание верных защитников «христианских концепций западного мира». В середине 50-х годов в них насчитывалось 2 930 членов руководства, из них 211 входили в Национальный комиссариат этих организаций. Среди руководителей числились 291 преподаватель, 141 офицер армии и флота, 71 священник, 103 врача, 26 инженеров, 18 адвокатов²⁵.

Португальская компартия указывала, что главную опору фашизма образуют крупные капиталисты и латифундисты, что крупная буржуазия, иностранный монополистический капитал и служащее им португальское правительство составляют единое целое, живут общими интересами, идущими вразрез с интересами страны. Португальская финансовая буржуазия представляет собой главную силу, которая привела фашистов к власти и помогает им до сих пор сохранять свое господство. Говоря о господствующей роли монополистических групп в экономической и политической жизни страны, Генеральный секретарь ЦК

²³ Цит. по: Е. Аксанов. Португалия и ее роль в фашистской интервенции в Испании. М. 1937, стр. 90.

²⁴ «Ероса» (Lisboa), 10.III.1972.

²⁵ Diego S. A n d r é s. Op. cit., p. 169.

ПКП А. Куньял указывал, что только они «являются сегодня хозяевами Португалии, определяют фашистскую политику, а фашистская диктатура существует для того, чтобы служить им и только им»²⁶. Для осуществления антидемократической, антинародной политики монополистический капитал использует свои огромные экономические возможности, разветвленный аппарат классового господства и духовного воздействия на массы.

Другой социальной силой, приведшей к установлению фашистской диктатуры в Португалии, являются крупные помещики-латифундисты и капиталисты-аграрии. Вместе с крупным монополистическим капиталом они определяли политику правительства Салазара, проводимую «в защиту интересов латифундистов и крупных капиталистов и в ущерб остальным трудовым классам деревни»²⁷. Конечно, наличие феодальной собственности на землю в известной мере тормозит развитие капитализма и вызывает противоречия между капиталистами и латифундистами, приводящие к постоянным конфликтам между ними. «Однако, когда крупные землевладельцы и сельскохозяйственные капиталисты требуют от фашистского правительства изменений в области аграрной политики..., они не выступают против правительства, а требуют от своего правительства большего внимания к их интересам, более беспристрастного отношения к тем классам, которым правительство служит»²⁸. Наряду с этим наблюдается процесс расширения и укрепления связей капиталистов и помещиков, сближения обоих классов, слияния их интересов. «Крупные землевладельцы соперничают с крупными промышленниками и банкирами при разделе пирога, — образно определяет их взаимоотношения А. Куньял, — но идут рука об руку с ними, поддерживают и направляют политику фашистского правительства, эксплуатируют и угнетают трудящиеся классы и самые широкие слои населения»²⁹.

На кого же опирался фашистский режим в Португалии в период своего становления, каковы те социальные слои, которые его поддерживают? Ведь даже такой диктаторский, оторванный от широких народных масс страны режим, как салазаровский, чтобы удержаться у власти, нуждается в какой-то, пусть даже самой узкой, социальной базе. Салазаровскому режиму, указывала Португальская компартия на своем V съезде, удалось создать массовую базу, в частности в средних слоях населения, особенно в первые годы своего существования. Однако ход событий после второй мировой войны, особенно в последние годы, привел к тому, что массовая база португальского фашизма значительно сузилась³⁰. От него отошло большинство интеллигенции и студенческой молодежи (причем следует помнить, что обучение в высшей школе практически недоступно для детей рабочих и крестьян), а также многие католики. Политика, проводимая в интересах крупного монополистического капитала и латифундистов и несущая разорение широким кругам средней и мелкой буржуазии, также сужает массовую базу салазаризма. На стороне фашистского режима еще остаются высшие чиновники бюрократического аппарата, хотя оппозиционные настроения проникли и в среду государственных служащих³¹. Поддерживает режим и церковная иерархия. Клерикалы — высшие сановники, «князья церкви», генералы монашеских орденов, настоятели монастырей, священнослужители — увидели в политике выгодные для себя перспективы и включились в политическую борьбу. Португальская церковная иерархия на протяжении

²⁶ A. C u n h a l. Relatório do actividade da Comité Central ao VI Congresso do Partido Comunista Português. 1965, p. 50.

²⁷ «Programa do Partido Comunista Português». Ed. «Avante!». 1965, p. 11.

²⁸ A. C u n h a l. Rumo à vitória. 1964, p. 32.

²⁹ Ibid., pp. 32—33.

³⁰ См. «V съезд Португальской коммунистической партии». М. 1959, стр. 93—94.

³¹ «Le Monde» (P.), 11.XII.1965.

ряда десятилетий тесно связана с фашистским режимом и является его опорой³².

На армии, с помощью которой был осуществлен фашистский переворот, также отражаются процессы, происходящие в стране. Несмотря на то, что армией руководит сейчас офицерский корпус, прошедший многолетнюю чистку, она уже перестала быть в глазах правительства надежным орудием борьбы против народа. Именно этим недоверием объясняется создание в армии подразделений «гражданского порядка», что означает формирование внутри вооруженных сил специальной армии, предназначенной для подавления народных выступлений, слежки, репрессий по отношению к остальной части армии. Правительство надеется укрепить свою базу за счет той части армии, для которой колониальная война — это средство наживы, возможность удовлетворить свои низменные инстинкты, возможность безнаказанно убивать и грабить беззащитное африканское население. Официальная пропаганда трубит об их «пламенном и боевом патриотизме» и выражает надежду, что эти головорезы «внесут в политику новый дух».

Юридические основы «нового государства», как именуют португальские фашисты свою диктатуру, были изложены в разработанной Салазаром конституции 1933 года. Конституция провозглашает, что «Португальское государство является унитарной и корпоративной республикой». Тем не менее никаких подлинно республиканских органов власти в этом государстве нет. Номинально главою государства является президент, избираемый на 7 лет. До 1961 г. его избирали прямым голосованием. Однако, испугавшись размаха оппозиционного движения, показавшего свою силу на президентских выборах в 1958 г., Салазар провел через Национальное собрание дополнение к конституции, так называемый декрет-закон № 43, 548, который устанавливает, что теперь «президент республики избирается нацией через посредство коллегии выборщиков, образуемой из числа членов Национального собрания и Корпоративной палаты, а также из представителей муниципалитетов каждого округа или заморской провинции, не имеющей областного деления, и представителей законодательных и правительственных советов. Представители муниципалитетов назначаются депутатами муниципалитетов»³³. При президенте имеется Государственный совет с совещательными функциями. Он состоит из 15 членов, из них 5 назначаются по должности — председатель Совета министров, Национальной и Корпоративной палат, Верховного суда и генеральный прокурор, а 10 — пожизненно. Эти последние, как правило, назначаются из числа бывших министров или бывших представителей законодательных органов. Однако на деле вся полнота власти в Португалии сосредоточена в руках председателя Совета министров.

Законодательная власть осуществляется президентом и однопалатным парламентом — Национальным собранием, состоящим из 130 депутатов, которых избирают сроком на 4 года. Роль Национального собрания сведена к чисто консультативным функциям. По словам Салазара, «парламенты должны ограничиваться одобрением основных законов лишь в общих чертах, оставляя исполнительной власти как единственному ответственному представителю руководства государства возможности значительно более широкие, чем те, которые существуют сегодня. Во всяком случае, нельзя признавать за законодательными органами ни права выбирать и смещать министров, ни права препятствовать общественной жизни»³⁴. Таким образом, правительство, которое по конституции обладает лишь исполнительной властью, перед парламентом не от-

³² См. Н. А. Решетников. Клерикализм. М. 1965, стр. 83.

³³ Antonio M. Pereira. As Constituições políticas portuguesas. Porto. 1961, p. 217.

³⁴ «Dossier sul Portogallo». Roma. 1963, pp. 32—33.

читывается. Более того, министры могут без ведома Национального собрания издавать свои декреты, имеющие силу закона.

3) В области трудовых отношений португальский фашизм, так же как и итальянский, пошел по пути создания корпоративного строя. С момента зарождения фашизма его теоретики пытались представить корпоративизм средством избавления от классовых конфликтов в сфере производства. Объясняя причины его введения, Салазар утверждал, будто корпоративизм упорядочивает отношения между государством и нацией и представляет собой «активное проявление солидарности в труде и жизни португальской нации»³⁵. Развивая его идею, Казтану напыщенно декларировал: «Необходимо бороться с эгоизмом индивидуумов и классов и заставить всех служить общему благу»³⁶. Однако оба столпа идеологических основ португальского фашизма не раз признавали, что основное назначение корпоративизма — не допустить обострения классовой борьбы и развертывания революционного процесса³⁷.

В основе этой системы лежат корпоративные, то есть профессиональные, объединения. В каждой отрасли экономики может существовать только одна корпорация. Предприниматели одной отрасли, объединенные в так называемый «цех», и рабочие той же отрасли, объединенные в синдикаты, заменившие профсоюзы, образуют «союз». Союзы же составляют корпорации, которые объединяются в федерации и конфедерации. Во главе корпораций стоят министерство корпораций и Корпоративная палата. Эта палата, в которую входят 135 представителей промышленных и деловых кругов, имеет совещательные функции и может высказывать свое мнение о законопроектах, представляемых правительством. Корпоративные организации устанавливают условия труда в каждой отрасли производства в виде «коллективных договоров». С помощью корпоративной системы португальское правительство поощряет дальнейшую концентрацию капитала. Даже приверженцы фашистской идеологии вынуждены отмечать явную классовую направленность этой системы, так как она «не сулила рабочему возможности превратиться в хозяина своей страны, а лишь четко определяла роль труда и труженика»³⁸.

Корпоративная система вводилась сразу же после «одобрения» фашистской конституции. В сентябре 1933 г. был издан ряд декретов якобы с целью «координировать экономическую и общественную жизнь страны». В них объявлялось о роспуске всех ранее существовавших профсоюзов, созданных португальским пролетариатом в процессе упорной борьбы с предпринимателями. Все рабочие принудительно объединялись в корпоративные «национальные профсоюзы». При этом правительство преследовало цель разбогачить трудящихся и по профессиям и территориально. В соответствии с новыми законами руководящие органы этих профсоюзов избираются рабочими один раз в 3 года. Выборы проходят под надзором полиции. После этого состав руководства должен быть одобрен министром по делам корпораций и социального обеспечения. Он имеет право в случае, если его не устраивают избранные трудящихся, не признать их и поставить во главе профсоюза административную комиссию, которая может неопределенно долгое время руководить им, не считаясь с интересами членов союза. В результате многие из существующих профсоюзов никогда не имели выборного руководства. Членские взносы принудительно удерживаются предпринимателями из заработной платы, даже если рабочий не состоит членом профсоюза. Трудящимся, не входящим в профсоюз, нелегко найти работу. Согласно конституции,

³⁵ См. Diego S. Andrés. Op. cit., p. 181.

³⁶ M. Caetano. Problemas políticos e sociais da actualidade portuguesa. Lisboa. 1956, p. 31.

³⁷ См. A. Salazar. Op. cit., p. 107; Diego S. Andrés. Op. cit., p. 29.

³⁸ Diego S. Andrés. Op. cit., p. 175.

рабочие государственных предприятий не могут входить в профсоюзы. Без санкции правительства португальские профсоюзы не имеют права вступать в международные организации, участвовать в их конгрессах или получать от них материальную помощь, а оно до сих пор такой санкции не давало.

В еще более бесправном положении находится сельское население. Его интересы, согласно фашистскому законодательству, защищают так называемые народные дома — корпоративные организации, объединяющие всех «землевладельцев» вплоть до помещиков. Руководит «народными домами» Центральная хунта, которая назначается правительством. Сельскохозяйственные рабочие вообще не имеют своих профессиональных организаций. «Домами рыбаков» руководят капитаны и владельцы судов, также назначаемые властями.

Статья 39 раздела VIII португальской конституции гласит: «В сфере экономических отношений между трудом и капиталом как той, так и другой стороне запрещается прекращать свою деятельность с целью добиться перевеса своих интересов»³⁹. Таким образом, любая забастовка рассматривается как политическое преступление, требующее принятия «мер по охране безопасности», и карается тюремным заключением на срок от 2 до 8 лет. Правительство допускает выдвижение требований трудящихся только через руководство профсоюзов. Эти требования представляются в корпоративные организации предпринимателей, то есть руководство профсоюза не может предъявлять свои требования непосредственно хозяину данного предприятия.

Конституция провозглашает обычные гражданские права и свободы. На деле же террористический режим попирает самые элементарные демократические свободы и игнорирует или подавляет права личности. «Было необходимо ограничить чисто политическую деятельность, — цинично пояснил Салазар. — Так, свобода печати, свобода собраний и свобода союзов, которые черным по белому записаны в конституции, подлежат ограничению с момента, когда они начинают благоприятствовать политике какой-либо партии»⁴⁰. В данном случае речь идет, естественно, не о фашистском «Национальном союзе». Чтобы у португальцев не осталось сомнений относительно того, что это было сделано «ради их собственных интересов», премьер-министр разъяснил: «Если было ограничено злоупотребление свободой слова, собраний, союзов, то есть правами, торжественно провозглашенными в статье 8-й нашей конституции..., то сделано это было для того, чтобы излечить португальский народ от интоксикации партийностью, которая отравляла национальное сознание, мешая нашей стране выступать в качестве серьезной нации»⁴¹. В результате все права, «дарованные» народу конституцией, остались на бумаге.

Фашистская диктатура в своей политической деятельности широко использует влияние католической церкви на массы. Формально церковь считается отделенной от государства, однако та же конституция объявляет католическую религию «религией португальской нации». Ее учреждения освобождены от налогов, католические школы получают государственные субсидии. По соглашению с Ватиканом, заключенному в 1940 г., обучение в светских школах должно вестись в духе христианских догм. Лица, состоящие в церковном браке, не могут расторгнуть его в гражданском порядке.

Чтобы удержаться у власти, иметь возможность расправляться со своими политическими противниками, подавлять малейшие проявления недовольства, салазаровское правительство, кроме армии, создало так-

³⁹ «Конституции буржуазных государств Европы». М. 1951, стр. 758.

⁴⁰ «Dossier sul Portugallo», p. 33.

⁴¹ Ibid.

же огромный репрессивный аппарат. В него входят различные полицейские и полумилитарные формирования. Это прежде всего «Национальная республиканская гвардия» — военная добровольческая фашистская организация, одна из основных репрессивных сил, на которые опирается салазаровский режим. «Полиция общественной безопасности» несет службу главным образом в городах. В ее составе есть специальные ударные подразделения, предназначенные для борьбы с демонстрантами. В сентябре 1936 г., во время гражданской войны в Испании, согласно правительственному декрету, была создана политическая милиция — «Португальский легион». В нем царит армейская дисциплина, легионеры получают военную подготовку и носят специальную форму. Он подчинен военному министру и может быть использован в случае войны в качестве армейских формирований, а в мирное время — репрессивных.

Но самой зловещей силой фашистской диктатуры, снискавшей мрачную славу во всем мире, является португальская политическая полиция, или, как она до недавнего времени официально именовалась, «Международная полиция охраны государства» («Полисиа Интернационал э де Дефеза до Естадо», ПИДЕ). В организации ПИДЕ и в совершенствовании ее репрессивных методов принимали деятельное участие гестаповские инструкторы и среди них нацистский военный преступник Крамер. Ее руководящие кадры проходили стажировку в гитлеровской Германии. И в наше время специальная школа ПИДЕ готовит своих агентов, используя гестаповские методы, приспособленные для условий Португалии⁴². Для координации деятельности всех репрессивных сил и дальнейшего их подчинения ПИДЕ правительство создало «Совет национальной безопасности». В него входят главнокомандующие «Национальной республиканской гвардии» и «Португальского легиона», начальник ПИДЕ и начальник полиции общественной безопасности. Во главе «Совета» стоит министр внутренних дел.

Конституция гарантирует португальским гражданам личную неприкосновенность, право не подвергаться аресту иначе, как на основании мотивированного приказа судьи. Однако салазаровское правительство перечеркнуло им же провозглашенные гарантии и дало «законную» структуру и организацию политическим репрессиям и полицейскому произволу, на которых зиждется фашистская диктатура. Декрет № 37447 от 13 июня 1949 г. определяет применение «мер безопасности». Согласно этому закону, все репрессивные силы обязаны следить за португальскими гражданами и арестовывать каждого подозреваемого в подрывной деятельности, направленной против государства.

Португальские власти очень широко пользуются «мерами безопасности», которые применяются не только к «опасным для режима» патриотам, но и к любому гражданину, подозреваемому в «склонности» и «тенденции» к оппозиции. «Меры безопасности» применяются к лицам, участвующим в ассоциациях и группах коммунистического характера или «намеревающимся совершить преступление» против безопасности государства, использующим террор как средство действия, а также к тем, кто примыкает к этим группам или сотрудничает с ними и выполняет их директивы, и к тем, кто сознательно способствует подобной подрывной деятельности, предоставляя помещение для собраний, собирая средства и участвуя в пропаганде. Под это определение, как нетрудно убедиться, легко подвести всех политических противников салазаровской диктатуры, а также тех, кто так или иначе выражает свое несогласие с действиями правительства. Декрет № 40550 от 12 марта 1956 г. устанавливает, что все португальские граждане, которые представали перед судом по обвинению в политическом преступлении, подлежат в целях безопасности изоляции в специально отведенных для этого местах на

⁴² См. Ж. Д. Коэльу. Сопrotивление в Португалии. М. 1963, стр. 52.

срок от шести месяцев до трех лет, который по своем истечении может регулярно увеличиваться на три года до тех пор, «пока эти лица будут представлять опасность»⁴³. Так был перечеркнут еще один параграф конституции, запрещающий пожизненное заключение.

После разгрома фашизма в годы второй мировой войны и в связи с подъемом демократического движения во всем мире и в Португалии правительство попыталось придать некоторую видимость «законности» своим судилищам. Оно изменило название специальных трибуналов, допустило присутствие обвиняемых при вынесении им приговора. Однако и теперь судьи прерывают выступления обвиняемых, удаляют их из зала, а когда обвиняемые протестуют, агенты ПИДЕ избивают их на глазах судей. Тысячи жертв фашистской диктатуры томятся в камерах Алжубе, Кашиас, Пенише, в тюрьме ПИДЕ в г. Порту. Сотни политических заключенных и среди них Генеральный секретарь компартии Гонсалвес, погибли от рук фашистских палачей.

В начале сентября 1968 г. Салазар тяжело заболел, и, когда стало очевидно, что он уже не сможет оставаться на посту премьер-министра, правящая клика 26 сентября выдвинула на пост премьер-министра профессора права и бывшего ректора Лиссабонского университета М. Каэтану. Характеризуя его, западная буржуазная печать в те дни отмечала, что политическое формирование Каэтану, который в свое время был руководителем фашистской молодежной организации, теоретиком португальского «корпоративизма» и поборником идей Муссолини, исключало всякую возможность резкого изменения курса. Да и сам Каэтану не скрывал намерения сохранить в неприкосновенности основы салазаровского режима, хотя и пообещал некоторые «перемены». «Существующая в Португалии система, основанная на социально-христианской доктрине, возникшей в начале века, — заявил он в январе 1970 г. — позволила приспособить португальское общество к требованиям современного мира... Эта система нас удовлетворяет... Я считаю приемлемыми основные положения конституции этого режима. Следовательно, их надо усовершенствовать, сделать, быть может, более гибкими»⁴⁴. Одновременно первые выступления Каэтану были обильно сдобрены тирадами о «диалоге с нацией», «о взаимной терпимости» и т. п.

Португальская компартия спустя несколько недель после прихода Каэтану к власти разъяснила народу подлинный характер событий, происходивших в стране. Она указала, что новое правительство — «это правительство террористической диктатуры, состоящее на службе у монополий, связанных с иностранным империализмом, и у латифундистов. Оно отличается только тем, что стремится замаскировать салазаризм демагогией о «либерализации»⁴⁵. А. Куньял в июне 1969 г. подчеркивал: «С момента формирования нового правительства фашисты стараются с помощью своей пропаганды внушить идею, что их политика изменилась и что Марселу Каэтану, новый председатель Совета Министров, намеревается «либерализовать», если не демократизовать, португальскую политическую жизнь. Но в действительности речь идет о крупной демагогической уловке, которая имеет целью спасти фашистскую диктатуру в наиболее тяжелый для нее момент... Не считая небольших изменений фасада, в политике правительства не изменилось ничего существенного... Салазаризм властвует без Салазара»⁴⁶.

Определенные буржуазные круги усиленно раздули миф о «либерализации» фашистского режима в Португалии и о якобы имеющем место сопротивлении этому курсу Каэтану в правящем лагере. На самом деле

⁴³ См. там же, стр. 104.

⁴⁴ «Le Figaro» (P.), 16.1.1970.

⁴⁵ «Avante!» № 396, out-nov. de 1968.

⁴⁶ «Международное Совещание коммунистических и рабочих партий». М. 1969, стр. 506.

речь шла о борьбе за власть различных фашистских кланов. Но в основном их отношения характеризуются согласием относительно продолжения все той же политики угнетения и эксплуатации трудящихся масс, сохранения колониального господства и ведения колониальных войн, политики прислужничества империализму. «Либерализация» Каэтану проявляется в туманных обещаниях, в незначительных мероприятиях, которые будто бы должны затронуть некоторые структуры и методы фашистского государства, однако, по сути дела, направлены на его укрепление. Каэтану реорганизовал правительство и ввел в него ряд молодых «технократов», но ключевые посты в министерствах внутренних дел, обороны, юстиции и финансов остались в руках министров, назначенных еще Салазаром. В ноябре 1969 г. он объявил о «ропуске» одиозной политической полиции — ПИДЕ. В действительности же она сохранила все свои прерогативы под новым наименованием: «Главное управление безопасности». Была распущена дорожная полиция, функции которой стала выполнять «Национальная республиканская гвардия». Правительство отменило положение об утверждении министром по делам корпораций состава руководства фашистских профсоюзов, но ввел правило предварительного утверждения кандидатов.

Переименовал вывеску и «Национальный союз», он стал именоваться «Национальным народным действием» (ННД). По всей стране энергично проводится кампания формирования новых руководящих органов ННД, причем число ее комиссий и кадров значительно превосходит то, чем располагал «Национальный союз». Только в метрополии будут образованы 4 347 комиссий с 23 035 кадровыми работниками. К началу 1972 г. создано свыше половины таких комиссий. 246 комиссий организованы в колониальных владениях Португалии. Предусмотрено создание исследовательского центра ННД, целью которого будет накопление необходимой документации и литературы, издание пропагандистских материалов. Чтобы привлечь в ряды ННД новых членов, в надежде превратить эту организацию в массовую, фашисты наряду с идеологической обработкой населения путем чтения лекций об основных положениях салазаровской доктрины демагогически используют тягу португальских масс к знаниям и организуют беседы на темы: «Воспитание детей», «Укрепление семьи», «Как сделать более красивой свою квартиру», «Гигиена и здоровье», «Первая медицинская помощь» и т. д. Кроме того, организуются многочисленные беседы, затрагивающие местные проблемы. Правительство Каэтану энергично стремится также возродить фашистские молодежные и женские организации и внести в них новый дух, чтобы, принимая во внимание «современную историческую ситуацию, дать новый стимул патриотическому воспитанию молодежи». От работающих в этой сфере Каэтану требует выдержки и терпения и советует не пугаться в тех случаях, когда молодежь пытается идти по иному пути. Нужно приспособливаться к ритму нашего времени, поучает Каэтану, учитывать вкусы молодежи⁴⁷.

Первые в период правления Каэтану «выборы» в Национальное собрание в октябре 1969 г., как и прежде, носили откровенный характер фарса. Хотя женщины получили право голоса, большинство их из-за неграмотности не могли им воспользоваться. В избирательных списках, как и прежде, фигурировали десятки тысяч «мертвых душ». Официально назначаемые комиссии, которые одни лишь и имеют право составлять и контролировать списки избирателей, а также подсчитывать голоса, беспощадно вычеркивали всех, кто подозревается в «подрывных идеях» или осужден по политическим мотивам. Во время этих выборов в городе Ковилья, насчитывающем 30 тыс. жителей, право голоса имели лишь 2 349 чел.: 962 государственных служащих, 357 полицейских и военных,

⁴⁷ «Ероса», 5.III.1972.

347 чел. домашней прислуги, 367 служащих, 144 рабочих, 142 предпринимателя, 23 представителя свободных профессий и 11 земледельцев⁴⁸.

Каэтану выдвинул проект конституционной реформы, которая, по сути дела, ничего не меняет. Тем не менее пункт о «заморских территориях», то есть о португальских колониях в Африке и Азии, вызвал яростные нападки «ультра». Согласно проекту реформы, они должны иметь собственный административный аппарат и самостоятельно осуществлять свою финансовую политику, оставаясь, как и прежде, под строгим контролем Лиссабона. При этом сам премьер-министр признал, что реформа не внесет «никакого принципиального изменения» в существовавшую до сего времени обстановку⁴⁹. Фашистский режим, как и прежде, отвергает любое решение ООН о португальских колониях в Африке и самой мысли о возможности переговоров с представителями национально-освободительного движения на этих территориях.

В соответствии с новым законом о печати отменяется предварительная цензура. Тем не менее каждая газета за полчаса до выпуска должна представляться на просмотр в органы цензуры. В случае «подрывных действий» на территории страны или ее колоний предварительная цензура будет вводиться вновь.

Внешняя политика правительства Каэтану характеризуется лихорадочной деятельностью, направленной на укрепление реакционных союзов. Становится более тесным союз с франкистской Испанией, цель которого состоит во взаимной поддержке при подавлении демократического движения в этих странах. Крепнет союз Португалии с расистскими режимами в ЮАР и Родезии. Португальское правительство усиленно пропагандирует идею создания Южноатлантического пакта, намереваясь втянуть в него Бразилию, чтобы заставить ее поддерживать колониальные войны на Африканском континенте. Однако осью этой политики остаются взаимоотношения Португалии с ее союзниками по НАТО, прежде всего с США, ФРГ и другими странами. Без их дипломатической, политической, финансовой и военной помощи португальский фашизм не только был бы не в состоянии вести столь длительную колониальную войну в Гвинее (Бисау), Анголе и Мозамбике, но и оказался бы сметенным демократическим движением в метрополии. Союзники по НАТО снабжают португальских колонизаторов новейшим вооружением: самолетами, вертолетами, морскими судами, артиллерией и т. д.; как они утверждают, португальские солдаты защищают территорию, сырье, базы, необходимые не только для обороны Европы, но и для обороны всего западного мира от «коммунистической опасности». За эту помощь правительство Каэтану расплачивается усилением своей экономической зависимости от иностранных монополий, получающих львиную долю прибылей, кровью португальской молодежи. Колонизаторы вынуждены держать в Африке 150-тысячную армию. Военные расходы поглощают 43% государственного бюджета.

Стремясь преодолеть экономические трудности, порожденные войной, португальские правители усиливают эксплуатацию трудящихся, активизируют процесс поглощения мелких предприятий. Нехватка рабочей силы, возникшая в результате необходимости содержать огромную армию, усугубляется массовой эмиграцией. За последнее десятилетие из страны эмигрировал 1 млн. чел., то есть восьмая часть всего населения⁵⁰.

Проводя пресловутую политику «либерализации», португальский фашизм ни на минуту не отказывается от политики репрессий. Перед лицом растущего антифашистского движения правительство Каэтану запретило все демократические организации, возникшие после ухода Салазара с политической арены. В стране продолжает свирепствовать цен-

⁴⁸ «Tempo» (Milano), 13.III.1971.

⁴⁹ «Der Spiegel», 14.VI.1971.

⁵⁰ «Rinascita» (R.), 22.IX.1972.

зура, разгоняется профсоюзное руководство, негодное властям. Как и прежде, на демонстрантов обрушиваются репрессии. Полиция продолжает оставаться государством в государстве. События, однако, свидетельствуют о том, что правительство Каэтану, несмотря на всю демагогию о «либерализации», сталкивается с серьезными трудностями. Рабочий класс, трудящиеся массы — в результате экономических битв, развертывания профсоюзного движения, студенты — в процессе боевых выступлений в защиту своих прав, за проведение подлинно демократической реформы университета и просвещения, в целом все демократическое движение, используя возможности, открывшиеся в связи с новой политической обстановкой, добились за период правления Каэтану удовлетворения ряда требований и завоевали определенные политические позиции. Возросло влияние Португальской компартии, упрочились ее связи с массами, со всеми демократическими силами, коммунисты активизировали свою работу в самых различных сферах. Перед лицом подобного наступления правительству приходится все шире прибегать к демагогии, признавать отставание во всех областях и обещать разрешить все проблемы с помощью каэтановской политической панацеи — «эволюции на основах преемственности», то есть попытаться найти какой-то выход из экономического и политического тупика и в то же время сохранить незыблемыми краеугольные камни диктатуры, заложенные Салазаром. С другой стороны, в связи с изменением обстановки в недрах самой фашистской олигархии нарастают противоречия и происходят столкновения. Крайне правые встревожены нынешним ходом событий и открыто выступают против «либерализации», считая ее причиной подъема демократического движения, и требуют отказа от подобной политики, возврата к полицейским репрессиям и политическому террору. Их лидер — А. Ногейра, бывший министр иностранных дел в правительстве Салазара.

Убедившись в провале своей политики «либерализации», правительство под предлогом борьбы «против терроризма» перешло к открытым репрессиям. Основной удар оно стремится нанести по компартии. Арестованы десятки руководителей и активистов рабочего движения, студенческих организаций и других демократов. Чтобы подавить народную борьбу, Каэтану в «лучших традициях» салазаризма объявил в ноябре 1971 г. о введении мер «в связи с подрывными действиями».

Итак, можно констатировать, что, несмотря на демагогические заявления о «смягчении» прежнего салазаровского режима, фашистская диктатура испытывает серьезные трудности. Новое правительство, как и прежнее, остается изолированным от народа. Сужается его социальная база. Фашистский режим раздирают внутренние противоречия. Грязная колониальная война, поглощающая огромные средства, вызывает дальнейшее обострение внутривнутриполитического положения. Но, располагая поддержкой своих союзников по НАТО, фашистская диктатура еще продолжает маневрировать и в то же время усиливает репрессии в надежде запугать народные массы. Антифашисты, возглавляемые Португальской компартией, отвечают на эту политику развертыванием борьбы, которая приобретает новые, активные формы. На повестке дня — главная задача демократической и национальной революции, поставленная в программе португальских коммунистов: восстановление демократических свобод, уничтожение фашистского государства и замена его государством демократическим.